

ЕВРОПА ОКАЗАЛАСЬ НА ПЕРИФЕРИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Иван Крастев

Иван Крастев — болгарский политолог, аналитик по международным вопросам, председатель Центра либеральных стратегий (София), главный редактор болгарского издания журнала «Foreign Policy». Преподает в Центральноевропейском университете в Будапеште и в Институте Ремарка (Нью-Йоркский университет). Основная тема исследований — ситуация в посткоммунистических государствах. Автор книги «The Anti-Corruption Trap» (2004)

На постсоветском пространстве существует некое коллективное убеждение о необходимости занимать промежуточную позицию между Россией и ЕС. Более того, напряжение между Россией и Западом является одним из ресурсов в процессе строительства постсоветских государств. Для политических лидеров этих стран (что хорошо было видно на примере Грузии) крайне важно, если не сказать, что это самое главное, наличие ресурса для государственного строительства. А в условиях экономического кризиса таких ресурсов не так уж и много. **Постсоветские страны хотят получить дивиденды от обеих сторон** — и от России, и от Европы — и в то же время оставить себе пространство для стратегического маневра.

Три стратегических альтернативы для Европы

У России до недавнего времени была стратегия стать некоей альтернативой Европы со своей моделью, которая будет довольно притягательной для стран — участниц ЕС. Иначе говоря, Россия рассчитывала, используя мягкую силу, позиционировать себя в качестве «другой Европы». Судя по всему, эта стратегия не реализовалась — оказалось, что **мягкой силы у России оказалось не так уж и много**. Это стало особенно очевидным после грузинского конфликта, когда за военной победой не последовало победы дипломатической. Кризис скорее обнажил экономическую и политическую слабость России, чем обнаружил ее силу.

Другую стратегическую линию представляла американо-польская политика, направленная на трансформацию всех стран по периметру России. У этой политики было два возможных варианта: **переделать саму Россию или (если первое не получается) играть в ее сдерживание**. Подобная идея была популярна после оранжевых революций — ожидалось, что изменения в политике Украины и Грузии станут сильным рычагом давления на внутривнутриполитические изменения в России. Эта стратегия также не сработала. Во-первых, потому что перемены в Грузии и на Украине оказались не такими, какими они ожидались, а во-вторых, потому что они привели к ненужным изменениям во внутривнутриполитической политике.

И третья стратегия — германская, ориентированная на **построение прагматических бизнес-отношений с Россией**. Предполагалось, что время работает на перетекание экономической модернизации России в политические изменения. Эта стратегия также не осуществилась. Многие страны стали опасаться, что Германия хочет выстроить не общеевропейскую политику, а только свою собственную, а сама Германия в конце концов осознала проблемы модернизационного процесса в России. У Германии прекрасные отно-

шения с Россией, ряд немецких компаний заключили хорошие договоры с российскими компаниями, но это не дало Германии никакого стратегического влияния на модернизацию России.

Таким образом, все три стратегии провалились. Возникло общее ощущение, что должно сформироваться что-то новое. Причем на волне кризиса стало понятно, что это новое не может не быть связанным с утратой европейским континентом своего прежнего геополитического значения. Еще во времена холодной войны самым главным был вопрос о том, кто будет контролировать Европу. Сегодня же центром геополитических столкновений стала Азия, а **Европа оказалась на периферии глобальной политики**. В итоге стало ясно: конфликт между Россией и ЕС только усилит процесс маргинализации Европы. Для России и для Европы сегодня оказалось невозможным смотреть в разные стороны.

Европейский концерт проектов

Сегодня уже нереалистично думать, что будущее Европы — это расширение механизмов ЕС на новые территории, на территорию всей Европы, вплоть до Турции и России. Кажется не работающей и идея России — вернуться в XIX век, возродить некий «концерт держав».

Если и говорить о каком-либо «концерте», то это, скорее, может быть «концерт проектов», возникших за последние двадцать лет на пространстве Европы. Среди них проект постимперской России и посткемалистской Турции. Но важно отметить и другое: сегодня главная уязвимая точка внутри Евросоюза — это уже не конфликт между Старой Европой и Новой Европой, в центре которого находилась Германия, а **противоречия между севером Европы и ее югом**, на разломе между которыми оказывается уже Франция. Все эти проекты очень уязвимые. Они могут легко распасться, если не будут поддерживать друг друга. ■

Специально для РЖ